



**В серии «Другие Миры»  
вышли книги:**

**Ника Ветрова**

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

**Галина Гончарова**

Против лома нет вампира  
Не сотвори себе вампира

**Ольга Куно**

Горький ветер свободы  
Черно-белая палитра

**Вероника Мелан**

Ассасин  
Дэлл

**Ирина Котова**

Королевская кровь. Сорванный венец  
Королевская кровь. Скрытое пламя  
Королевская кровь. Проклятый трон

**Ольга Гусейнова**

Когда нет выбора  
Сумеречный мир

**Ольга Хусаинова**

Академия Зла. Испытание ведьмой

**Нина Бархат, Марина Багирова**

Присвоенная

**Лесса Каури**

Золушки из трактира на площади  
Золушка вне закона

**Жанна Лебедева**

Сиреневый черный. Гнев единорога

**Алиса Дорн**

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

**Таис Сотер**

Факультет прикладной магии. Простые вещи

**Кира Стрельникова**

Своенравный подарок

**Дарья Кузнецова**

Модус вивенди

**Ольга Романовская**

Песочные часы

**Юлия Григорьева**

Погоня за сказкой

**Ирина Зволинская**

Охота на дракона

**Алина Лис**

Маг и его кошка

**Мария Заболотская**

Рыжая племянница лекаря

Мария Заболотская

**РЫЖАЯ ПЛЕМЯННИЦА  
ЛЕКАРЯ**



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
312

Разработка серийного оформления  
*Евгения Антофия*  
Иллюстрация на обложке  
*Анны Ларюшиной*

**Заболотская, Мария.**  
312 Рыжая племянница лекаря : [роман] /  
Мария Заболотская. — Москва : Издательство АСТ,  
2017. — 320 с. — (Другие Миры).

**ISBN 978-5-17-100938-0**

Говорят, что рыжие волосы — знак необычной судьбы. Но в жизни юной Фейн уже давно не случилось ничего необычного. Она всего лишь племянница бедного бродячего лекаря, которому не очень-то везет.

Однажды Фейн и ее дядя оказываются в замке герцога Огасто, слухи о безумии которого будоражат всю округу. Лечить безумца — что может быть легче для дядюшки-шарлатана! Но не все так просто, как кажется на первый взгляд.

И романтическая Фейн даже не подозревает, насколько опасным может быть ее искреннее желание помочь то ли безумному, то ли заколдованному герцогу. Она не знает, что в его темнице томится страшный демон...

**ISBN 978-5-17-100938-0**

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© М. Заболотская, 2017  
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,  
2017

## Пролог

Незадолго перед началом таммельнской осенней ярмарки, аккуратно в день преподобного Пинадольфа Мукомола, перед шильдой с названием города остановились двое путников — пожилой мужчина в выцветшем от скитаний плаще с капюшоном и невысокая, крепко сбитая рыжеволосая девушка в пестром наряде. Подол ее куцей юбки, едва прикрывающей икры сильных ног, давно превратился в лохмотья, однако короткая курточка все еще пыталась поразить сторонний глаз своей фальшивой роскошью: вышивка перемежалась блестками и яркими бусинами, а там, где не имелось россыпи дешевых бусин, непременно была нашита цветная бахрома или же шнуровка.

Любой встречный без особого труда смог бы заметить, что на левом локте уже красуется небрежная кожаная заплатка, и даже самый непроницательный наблюдатель догадался бы, что вскоре такая же появится на втором рукаве. Запыленная покоробившаяся обувь путников свидетельствовала, что идут они издалека, а осунувшиеся от постоянного недоедания лица — что поход их начался довольно давно при весьма неблагоприятных обстоятельствах.

Они внимательно, не торопясь рассматривали приколотые к столбу дощечки и обрывки пергамента с объявлениями, касающимися жизни городка. По тому, как сосредоточенно морщились их лбы, можно было сделать два вывода: во-первых, путники умели худо-бедно чи-

тать, несмотря на довольно потрепанный внешний вид, во-вторых — они искали среди множества предложений нечто вполне определенное.

— Глядите-ка, дядюшка Абсалом! — воскликнула девушка, заметно уставшая, но все еще подвижная (именно такой тип подвижности крайне вредит своему носителю), и ткнула пальцем в одну из дощечек. — Да у них здесь ярмарка на носу! Как мы с вами угадали-то!

Дядюшка в отличие от своей шустрой племянницы был человеком степенным и обладал на редкость философским выражением лица, что позволяло заподозрить его в склонности к мелкому жульничеству, а также в обладании житейской мудростью, которую не приобретешь сидя дома, покуривая трубку и поглядывая в окно. То был обыкновеннейший представитель мещанского торгового сословия, переживавший не самый благополучный период своей жизни. Круглое лицо его украшали порядком поседевшие длинные вислые усы, явно призванные придавать его физиономии недостающие простоту и миролюбивость, а на глянцевой лысине отражались солнечные лучи.

— Ярмарка — это хорошо, — задумчиво пробасил он, — там всегда найдется лишняя монетка, которая поправит наше бедственное положение. Городок вроде бы приличный, вон и крыши черепицей крыты, и столб этот недавно покрашен за счет городской казны... Значит, и народ на торг съедется со всей округи. Попробуем счастья...

Но рыжая девушка не успокоилась, грязный палец ее с обкусанным ногтем уткнулся в пергамент, уже порядком надорванный и загаженный птицами.

— Дядюшка! Послушайте, что тут написано! — она принялась читать по слогам, водя пальцем по едва различимым строчкам, и многочисленные дешевые браслеты на ее руке позвякивали в такт возбужденному голосу. — «Требуется опытные лекари, знахари и аптекари,

сведущие в снятии сглаза и порчи, а также умеющие определять причины душевных недугов. Обращайтесь в дом герцога Таммельнского, где вас ждет щедрое вознаграждение в случае успешного итога работы». — Глаза девушки блестели, а голос был полон радостного волнения. — Дядюшка Абсалом, это же редкая удача! Аптекарь! Наконец-то подвернулось занятие точно для вас! Да и в людской душевной организации вы необычайно сведущи, сами об этом сотню раз говорили... Пойдемте туда сегодня же!.. Быть может, нас наймет сам герцог Таммельнский! Мы будем жить в его доме, столоваться на герцогской кухне...

И она в умоляющем жесте сложила руки, огрубевшие от солнечных лучей, вольного ветра и прочих природных явлений, безо всякой жалости воздействующих на бродяг, не имеющих крыши над головой. Чумазое лицо девушки состроило крайне жалостливую рожицу, а ноги от нетерпения притоптывали на месте.

Ниже под пергаментом, прямо на свежеекрашенном столбе было нацарапано гвоздем «Герцог спятил!», а еще ниже — «Полоумный герцог — позор Таммельна!».

Дядюшка Абсалом покачал головой и с неодобрением прочитал еще несколько подобных изречений, украшавших столб. Они без обиняков указывали на то, кто именно в герцогском доме нуждался в услугах лекаря.

— Нет порядка в этом королевстве! — осуждающе произнес он. — В нашем благословенном Даленстадте не успел бы один такое нацарапать, как все остальные уже махали бы кирками в каменоломнях. А здесь власть не почитают, каменоломен нет...

И он горько завздыхал, с тоской вспоминая родные края, всегда издали кажущиеся вдвойне милее всяких иных. Затем, пошарив в кармане, достал оттуда небольшую горсточку дрянного зерна и со словами «Дух-покровитель города, не прогневайся на нас, прояви гостеприимство!» рассыпал его у столба — то был давний обычай, общий, наверное, для всех срединных королевств. Уж

кто-кто, а бродяги о нем не забывали, помня, что их удача переменчива, а высшие силы — злопамятны.

— Дядюшка, ну пойдёмте же к герцогу! Вы его быстренько излечите, а щедрую награду истратим на открытие новой лавки где-нибудь в столице! Давайте попробуем! — и девушка вцепилась в плащ мужчины, тараща свои большие синие глаза.

— Только через мой труп! — решительно ответил на эту пылкую речь дядюшка Абсалом и пошел прочь от шильды в сторону таммельнской городской стены.

Девушка от досады взвыла как дух, предвещающий по ночам преждевременную смерть, подхватила увесистую торбу, лежавшую в придорожной пыли, и поспешила за дядюшкой, который, надо заметить, шагал налегке. В сумке что-то стеклянно позвякивало, булькало и погромыхивало.

— Ну дядюшка! Ну миленький! — она забежала наперед своему широко шагающему родственнику и теперь пятилась, то и дело оступаясь. — Но отчего же? Неужто вам не опостылело бродяжничество по этой глухомани? Я в жизни своей не видела королевства гаже, чем эта проклятущая Лаэгрива! Одни пустоши, нищие крестьяне... И отвратительная овсяная каша каждый день — словно здесь и еды другой отродясь не видали! О, как я мечтаю о соломенном тюфяке без клопов, на котором можно сладко спать! — девушка закатила глаза, показывая, как истосковалась по чистым простыням. — С меня довольно сеновалов и чердаков! С тех пор, как мы покинули Даленстадт, положение наше становится все унижительнее с каждым днем, потому что денег удаётся заработать все меньше и меньше. Если мы пройдем еще немного на восток, то окажемся без единого медяка, а одеваться придется в мешковину и шкуры, точно варварам! Здешний герцог, должно быть, богат и знатен, у него отличная огромная кухня, полная кладовая и целая прорва слуг... Ну почему вы не хотите хоть на пару

дней обрести покой и... и сытный обед от герцогских щедрот?!

Дядюшка Абсалом сохранял самое безразличное выражение лица. Его, казалось, не тронули ни горячая речь юной родственницы, ни жалобное выражение ее лица, ни волнующие картины сибаритского существования в стенах дома герцога Таммельнского.

— Ты непроходимая дуреха, Фейн, — наконец соизволил ответить он. — Да смилуется провидение над твоей пустой головой — ты не умрешь своей смертью. Ну как можно только подумать о том, чтобы добровольно сунуть свою голову в пасть дракону? А ведь то, что ты предлагаешь, еще хуже!

— Дядюшка, сдается мне, вы преувеличиваете, — немного сбавила напор Фейн. — Да что сделает нам этот герцог?

— Герцог, предположительно страдающий душевным недугом, — бесстрастно уточнил дядюшка Абсалом. — Да что угодно! Повесит, к примеру. Или посадит на кол, ежели имеет склонность к аффектации.

— С какой стати?

— Если ему это взбрдет в голову, то он объяснять нам не станет. Повесит — и все тут. Может, ему покажется, что тем самым он снимет свою порчу или развеет осеннюю ипохондрию, — старик пожал плечами. — Много ли сумел объяснить тот аптекарь из Пьента, где влюбленные по недоразумению отравились по очереди? Помнишь ту прошлогоднюю беду? Нет? А зря, вышла весьма поучительная история, всякому аптекарю нужно бы ее выучить назубок. Хорошо, если нас в итоге просто прогонят пинком под зад из этого города! Представь, что со мной сотворят, если я его не излечу? А если вдруг у герцога невопадет случится расстройство желудка и он решит, будто я его отравил? Да мою голову наколют на пику у городских ворот, не успеет он с ночного горшка встать!..

Фейн в унынии склонила рыжую лохматую голову, признавая, что спор выиграл дядюшка. Она умела при-

нимать доводы разума если без благодарности, то хотя бы не упрямясь. Но дядя Абсалом распалился и продолжал развивать свою мысль, уже не обращая внимания на племянницу:

— Интересно, много ли народу пришло в дом этого умалишенного герцога в надежде хорошо заработать? И еще интереснее — многие ли покинули сей дом живыми? Да я голову даю на отсечение, что в этом городе нет ни одного аптекаря: половина их на кладбище, а вторая спешно переехала в другие края! Нет, заниматься лечением в наше время опаснее, чем сражаться с драконами... К герцогу мы не пойдем ни в коем случае. Заглянем на ярмарку, подзаработаем чуток и направимся в Лирмусс. Столица все же остается столицей, пусть даже и в этой ужасной Лаэгрии.

Уже можно было различить сине-красные одеяния стражников, мельтешащих у городских ворот, и время от времени ветер доносил обрывки ругательств. Стражники суетились, грозили алебардами и сыпали проклятиями — крестьяне, по-видимому, едущие на ярмарку, своими груженными телегами перекрыли въезд какому-то благородному господину с сопровождением. Тот возмущался, потрясая оружием, и от досады прищипоривал своего коня, отчего бедное животное жалобно ржало и приплясывало на месте.

Зоркий дядюшка Абсалом приостановился и ухватил за рукав свою племянницу, которая, погрузившись в задумчивость, ничего вокруг себя не замечала.

— Погоди ты! — шикнул он. — Не лезь на рожон! Стражники небось злющие, огребем мы с тобой держакотом от алебарды по спине — у нас ни подорожной, ни лицензии! Подождем, пока стража успокоится, народ разъедется... К тому времени, быть может, сюда подойдет какой-нибудь деревенский обоз — с ним и пройдем через ворота.

Девушка покосилась на проход, где, похоже, назревала потасовка, и согласно кивнула. Неподалеку

от дороги, сразу за предместьем, виднелась небольшая рощица, привлекавшая внимание Абсалома, и вскоре путники уже обосновались в ее сени, расстелив на земле кусок ткани, расшитый изображениями луны и звезд, порядком поблекших от дорожных испытаний. Свара у ворот набирала силу, и торопиться им было некуда.

— ...А если мы заработаем целую крону к последнему ярмарочному дню, — мечтательно говорила Фейн, глядя в бездонное синее небо, — то первым делом купим осла! А, дядюшка? Купим?

— На кой черт нам осел?

— Как это — на кой черт? Пожитки наши возить!

Дядюшка Абсалом скептически хмыкнул в усы.

— Вот я и говорю — на кой черт нужен осел, тем более за целую крону, ежели у меня есть ты?

— Ну, спасибо, уважили... — Фейн угрожающе нахмурилась. — Значит, я буду тащить этот хлам на горбу до самого Амилангра?

Любящий дядюшка уселся поудобнее, выудил из кармана сухарь и заметил:

— Радуйся, что чучело крокодила сгорело вместе с нашей лавкой. А на новое у меня пока денег нет. Иначе ты бы еще и его носила — а то какой же это аптекарь без крокодила?..

— Дядя, вы купите осла! — глаза Фейн сузились.

— Может, тебе еще арданцийского скакуна купить? — ядовито поинтересовался дядюшка Абсалом.

Фейн покраснела от злости — у нее была тонкая белая кожа, типичная для уроженцев севера, особенно для рыжих, оттого она легко покрывалась ярким румянцем по самым разнообразным поводам.

— А на что же вы потратите наш заработок, позвольте узнать? — спросила она, запинаясь и фыркая от сдерживаемого гнева.

— Свой заработок я потрачу на насущные нужды, — ответил Абсалом. — Первым делом куплю тебе прилич-

ное платье. Так у меня появится хоть какая-то надежда сбить тебя с рук...

— А чем плох мой нынешний наряд?! — Фейн вскочила на ноги и уперла руки в бока, пытаясь изобразить вызов.

— Хотя бы тем, что нас могут не пропустить из-за него в город, — хладнокровно пояснил мужчина. — На столбе я заметил объявление, гласящее, что в Таммельне распутницы, джерканы-гадалки и танцовщицы живота объявлены вне закона.

От возмущения Фейн задохнулась, вновь побагровела, а затем вскричала:

— Да как повернулся у вас язык назвать родную племянницу распутной девкой?!

Дядюшка пожал плечами.

— Вот я и говорю — надо купить пристойный наряд, чтобы более ни у кого язык не поворачивался. Ни к чему позорить мои седины. Я почтенный даленштадтский аптекарь и не желаю, чтобы меня принимали за родственника развратницы. Я намереваюсь быть дядюшкой скромной девицы, которую можно будет выдать замуж за какого-нибудь приличного юношу, имеющего постоянный доход.

Эти слова произвели действие, сравнимое разве что с небольшим землетрясением. Девушка вопила, призывала себе в свидетели всех святых, которых почитают в Даленштадте, и клялась, что не перемолвится с тиранствующим дядюшкой ни словом до конца своей жизни, впрочем, щедро перемежая эти клятвы обещаниями немедленно утопиться, удавиться и уйти в монастырь. Дядюшка Абсалом безмятежно смотрел в небо, грыз сухарь и не придавал никакого значения крикам своей племянницы, по-видимому, давно к ним привыкнув.

— Я буду носить это платье до скончания своей жизни, а последней моей волей будет, чтобы меня в нем похоронили! — мстительно прошипела Фейн и уселась на землю, повернувшись к дядюшке спиной.

— Вот и славно, — все так же спокойно согласился Абсалом. — Значит, на наряды деньги мы тратить не будем. Что ж, у меня возникла еще одна мыслишка: потрачу-ка я их на дилижанс до Прадейна. Говорят, они ходят быстро, за недельку обернемся. Препоручу тебя тетушке Вандине, той самой, что держит прачечную. Она как-то мне жаловалась в письме, что рабочих рук не хватает. Поработаешь там лет эдак десять, зарекомендуешь себя как следует, и тетушка отпишет тебе прачечную, когда помирать надумает. Ты до скончания своих дней будешь надежно обеспечена, пусть даже вид белоснежных подштанников станет не мил. Но зато с благодарностью вспомнишь дядюшку, который толково истратил свой заработок...

С каждым словом лицо Фейн становилось все более кислым. Видимо, подобные разговоры велись не первый раз и уже успели набить ей оскомину. Но в отсутствии действительности их нельзя было упрекнуть.

— Хорошо, дядюшка, — процедила девушка, вздернув веснушчатый нос, — купим приличное платье. А еще кандалы да колодку на шею. И маленькую тележку, чтобы запрягать меня в дороге. В ходкости с ослом меня, конечно, не сравнить, но в приличном платье это не будет так уж бросаться в глаза...

— Я знал, что ты внемлешь голосу разума, — добродушно ответил дядюшка Абсалом, не обратив никакого внимания на полудетские попытки племянницы огрызнуться.

К этому времени солнце уже поднялось высоко, толпа у ворот поредела, и стражники скрылись из виду, по всей вероятности, предпочтя скучному дежурству веселую игру в кости. Еще немного погода на горизонте показалось облачко пыли, в котором вскоре можно было различить несколько груженных телег и повозок, медленнодвигающихся к городу.

— Привал завершен! — объявил дядюшка и поспешил к дороге, не оглянувшись на племянницу,

которая взваливала на себя их общие скудные пожитки. Он был полон хороших предчувствий — не радужных, ибо какие радуги могут почудиться повидавшему жизнь человеку? — однако от таммельнской ярмарки он ожидал хорошего заработка. Странствующий лекарь Абсалом Рав из Даленстадта давно уже открыл для себя главную жизненную истину: радоваться следует мелким удачам, а крупных, наоборот, следует остерегаться.

Ярмарка вот-вот должна была начаться.

\* \* \*

Я стояла рядом с нашим скромным навесом, вычищая грязь из-под ногтей щепкой, и уныло голосила:

— Не проходите мимо! Опытный аптекарь излечит любую хворь — от подагры до насморка! Чудодейственные капли помогут всем страждущим от косоглазия и заикания! Мазь от икоты! Декокты от облысения, а также от зубной боли!..

— Веселее кричи! — сердито пробурчал дядя, скупавший в тени навеса. — Кто ж поверит, что я исцелю зубную боль, ежели рожу моей родной племянницы так перекосило, будто у нее вся челюсть хвора!

Я злобно покосилась на него, так как время близилось к обеду, а торговлю дядюшка всегда начинал спозаранку, и что было сил завопила:

— Сей мудрый аптекарь славен по всему Даленстадту, Арданции и Даэлю! Многие знатные люди прибегали к его услугам и со страшной силой желают повстречаться вновь, чтобы выразить свою благодарность! Нет ему равных в борьбе с почечуем и ветрянкой, нервным тиком и скрежетом зубовным! Подходите, не пожалеете!

Дядюшка и тут остался недоволен.

— От твоего крика ко мне скоро выстроится очередь пациентов с нервным тиком, если, конечно, у них на то достанет храбрости...

— Вам не угодишь! — огрызнулась я.

— Ладно, можешь пройтись по торговым рядам, — наконец смилостивились надо мной. — Я вижу: ты из врожденной пакостности сорвешь голос, чтобы не помочь лишний раз своему старому дядюшке. Денег я тебе не дам, и не надейся. Платье сам выберу. А ты не зевай — если увидишь, что где-то можно стянуть бублик или яблоко, принеси мне гостинец, а то я с утра еще ни разу не подкреплялся.

Достигнув цели, я довольно ухмыльнулась, затем сладко потянулась, ведь от однообразного стояния у навеса у меня ломило все кости, а от скуки слипались глаза, и отправилась глазеть на тammelънскую ярмарку.

Хоть мы уже третий день морочили головы честным тammelънцам, мне так и не довелось до сих пор свободно прогуляться по торговым рядам: строгий дядюшка не отпускал меня ни на шаг, повторяя, что мой наряд наведет любого встречного на дурные мысли и пропадай моя пустая голова. С утра до вечера мне надлежало выкрикивать завлекательные речи, убеждая честной народ прибегнуть к услугам аптекаря, ведь дядюшка не гнушался попрекать меня каждым куском хлеба. В то время мне едва сравнялось семнадцать лет, и я, несмотря на многочисленные беды, выпавшие на мою долю, все еще не научилась ценить по достоинству чужую доброту — попреки казались мне несправедливыми, пусть иного опекуна для меня до сих пор не сыскалось.

За минувшие дни мне удалось рассмотреть в подробностях только два соседних торговых места — справа мужик продавал горшки, слева обосновался воз с сеном, вчера же и позавчера на этих торговых местах стояли торговцы сбруей. Подобное упущение вызывало у меня ужасное недовольство: попасть на городскую ярмарку, чтобы глазеть на сено да хомуты? Пф-ф-ф!